

ВВС

ВОЕННО-
★ ВОЗДУШНАЯ ★
СЕРИЯ

Сергей ЗВЕРЕВ

**ВЛАСТЕЛИН
НЕБА**

ВВС. Военно-воздушная серия

Сергей Зверев
Властелин неба

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Властелин неба / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009 — (ВВС. Военно-воздушная серия)

Российскими военными конструкторами создан уникальный вертолет, названный «Громобой». Его характеристики несравненны, он на голову превосходит передовые зарубежные разработки. Конечно, наши заокеанские друзья, лишь прознав о «Громобое», решили для сохранения паритета вооружений во что бы то ни стало завладеть технологиями вертолета. Резидент ЦРУ обращается за помощью к радикальной исламистской организации. Ее боевики захватывают в плен группу российских паломников, совершающих хадж в Мекку. В группе «случайно» оказывается отец главного разработчика вертолета. Террористы ставят единственное условие – выкуп за пленников должен доставить лично конструктор. Найти и освободить заложников поручается экипажу «Громобоя»...

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	17
5	20
6	24
7	27
8	30
9	34
10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Властелин неба

1

– Пальцы болят, – захныкал Толстый, пытаясь согреть дыханием пальцы левой руки.

– В задницу засунь, – посоветовал ему второй альпинист. – Из-за тебя на гору поперлись. Экстрима захотелось. Плевать нам на штормовое предупреждение! Вот теперь и поплыв на свои пальцы.

– Ну, зачем ты так? – упрекнул третий, который был постарше. – Самое последнее дело сейчас – переругаться. И так хреново. Все виноваты. Никто силком не тянул. Посмотрю в рюкзаке мазь гепариновую, вроде брал на всякий пожарный. Подвинься.

Он на ощупь стал рыться в своем рюкзаке, через некоторое время нашел тюбик с мазью и протянул его Толстому.

В предназначенной для одного человека палатке, где от метели укрывались трое альпинистов, было темно и тесно. И если прочная синтетическая ткань, в общем-то, неплохо защищала от мокрого снега, то от пронизывающего холода укрыться было некуда.

Ночевка на снегу не предусматривалась. И одиночную палатку наиболее опытный из них взял с собой просто по привычке. Вчера утром, проигнорировав приказ, полученный по рации от начальника альплагеря, они продолжили восхождение на Эльбрус по одному из наиболее трудных маршрутов. Небо было ясным и синим и совсем не предвещало метели, о которой предупреждали их по рации.

«Обычная перестраховка!» – с пеной у рта убеждал Толстый, успешный бизнесмен из подмосковного Реутова. Он второй год подряд не мог защитить звание кандидата в мастера спорта и счел приказ спускаться вниз интригами начальника альпинистского лагеря, с которым у него сложились неприязненные отношения с первых дней пребывания в лагере.

Двое товарищей Толстого с некоторым колебанием согласились с ним и продолжили восхождение. Вожденная цель – Западная вершина Эльбруса – казалась совсем близкой. Теперь все трое платили за свое легкомыслие. Спустя час после начала штурма вершины неожиданно начался настоящий буран, пришлось остановиться и разбить палатку. В ней, скукожившись и дрожа от холода, они провели почти сутки. Как назло, вышла из строя газовая горелка, и невозможно было вскипятить воду, чтобы хоть немного согреться горячим чаем. В довершение всех бед Толстый потерял перчатку, а на высоте это было чревато обморожением и гангреной, что хорошо понимали все, и в первую очередь он сам.

Внезапно слабо запищала рация. Тот, у кого в рюкзаке нашлась гепариновая мазь, нацепил наушники.

Выслушав сообщение, он сказал в микрофон:

– Хорошо. Спасибо. Мы пока в порядке. В относительном. Толстый пальцы приморозил. А так ничего. Может, продержимся еще одну ночь. Батарея только садится.

– Ну что? – спросил Толстый.

– Что, что? Спасательные работы невозможны в данное время. Внизу прошла лавина.

– И что теперь? Они оставят нас здесь погибать?

– Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете и бесплатно покажет сам знаешь что, – зло заговорил третий. – Чудес не бывает! Пока погода не установится, никто за нами не пойдет.

– Хватит собачиться, – твердо сказал более опытный альпинист, который разговаривал по рации. – Начальник просил потерпеть, обещал что-нибудь придумать.

– Вторую ночь здесь ночевать? – с ужасом спросил Толстый. – Я ж без пальцев останусь!

– На хрена тебе пальцы, если головы нет? Вторая ночевка на снегу в этой собачьей будке всем боком вылезет.

– Тихо! – властно прикрикнул старший.

Все замерли и сквозь шум ветра, который налетал порывами и время от времени сильно тербил полог палатки, явственно услышали далекий, но упрямый рокот мотора.

Толстый первым рванулся на карачках вон из палатки.

– Вертолет! – радостно заорал он, выбравшись наружу.

Двое его товарищей, выбравшись из палатки вслед за Толстым, сразу же сквозь серую снежную муть разглядели красно-коричневый корпус вертолета, чей фюзеляж напоминал очертания небольшого микроавтобуса с двумя прикрепленными сзади хвостовыми балками, на концах которых крепились широкие плоские пластины килей.

Вертолет покачивало под ударами ветра, но он неуклонно снижался, выбирая место для посадки неподалеку от оранжевой палатки альпинистов. На борту винтокрылой машины виднелась вытянутая по вертикали белая восьмиконечная звезда, в центре которой был оранжевый круг с синим треугольником – эмблема МЧС России.

– Спасатели! Прилетели! – захлебываясь от счастья, прокричал Толстый, обернувшись к товарищам.

– Че радуешься? – не преминул съязвить один из них. – Знаешь, сколько за этот вылет с тебя бабла МЧС сгребет?

– Заплачу в двойном размере! – не задумываясь, отреагировал Толстый. И замахал руками, призывая вертолет садиться.

Однако винтокрылая машина зависла на высоте десяти метров над небольшим плато, на котором заночевали альпинисты.

– Ну чего ты? – заныл Толстый. – Давай, давай! Садись!

– Сесть ему не проблема, вот как взлетать будет, – сказал самый опытный из альпинистов.

Сквозь фонарь, прикрывавший кабину, было видно сосредоточенное лицо пилота геликоптера. Он не обращал внимания на жесты альпинистов и, потянув ручку управления, повернул вертолет в сторону каменной гряды метрах в ста пятидесяти от палатки.

– Куда ты, зараза?! – завопил Толстый.

– Хорош базлать, – прикрикнул на него его старший товарищ. – Бегом на горку – сейчас каждая секунда дорога!

– А рюкзаки? А палатка?

– Какие на хрен рюкзаки? Бегом!

Вертолет примостился двумя колесами шасси на каменный выступ, два других колеса висели в воздухе. В фюзеляже распахнулась дверца. Толстый преодолел расстояние до спасательной машины с завидной прытью, поднялся на грядку и первым вскарабкался в салон.

– Спасибо, командир! – крикнул он пилоту, который, не выпуская из рук рукоятку управления, полуобернувшись, посмотрел назад.

Летчику было лет сорок, но он казался старше из-за глубоких морщин, изрезавших его лицо.

– Рано благодаришь, турист, – резковато сказал пилот, недобро ухмыльнувшись. Его звучный голос перекрывал шум работающего двигателя. – Все поднялись?

– Да, нас трое было, – ответил владелец оранжевой палатки, который поднялся на борт последним из троих альпинистов.

– Ну, тогда с Богом! – отреагировал летчик и оторвал машину от каменной полки, на которую упирались два колеса шасси. Мощный поток воздуха разметал снег на грядке, и вертолет, задирая свои два хвоста вверх, по-самолетному набирая скорость, понесся над плато, где вынуждены были заночевать альпинисты.

Даже они, не будучи профессионалами, чувствовали, как тяжело дается машине этот взлет в непогоду на высоте около пяти тысяч метров. Вертолет дрожал и качался из стороны в сторону, словно наталкиваясь на невидимые препятствия, и с трудом рассекал плотную серую пелену падающего снега, сквозь которую не было видно абсолютно ничего.

– Господи помилуй, господа помилуй! – беззвучно повторял Толстый, уставившись в неподвижную спину пилота в коричневой кожанке.

Двое его товарищей тоже испытывали явно не лучшие мгновения своей жизни. И лишь пилот сохранял совершенное спокойствие, бросая взгляды на приборную панель со множеством циферблатов и время от времени быстро меняя положение рукоятки управления.

Прошло десять минут полета, и видимую сквозь остекление кабины пилота серую муть резким ударом сменила голубизна чистого неба, а внизу под ногами удивительно четко нарисовались геометрически правильные, расчерченные дорогами и тропками многоугольники полей.

– Пронесло! – выдохнул Толстый и наклонился к уху старшего из альпинистов. – Я только чего-то не пойму, какого хрена он рядом с палаткой не сел? Чего он на камни поперся?

– Сесть не проблема, – отозвался сосед. – А что потом? Снег не слезался ведь. Ночь сыпало.

– Ну и что?

– Ну и то. Стал бы подниматься – поднял бы винтами снежную тучу, мог бы запросто рухнуть вниз.

– Да ну?

– Сказки рассказываю. На моих глазах в Афгане вертушка упала, песок поднял и кранты. А машина набита была под завязку. Четверо двухсотых, а остальные в госпиталь. Сегодня нам повезло, считай в рубашке родились! Пилот классный попался. Вообще удивляюсь, как он взлетел. Надо узнать, как зовут – свечку за его здоровье поставить.

Сквозь стекло иллюминаторов справа внизу показалась широкая бетонная полоса аэродрома. Спустя минуту альпинисты ощутили мягкий толчок – шасси вертолета коснулись земли.

– Все, туристы! Станция Березай – кому надо вылезай, – сказал пилот, обернувшись к своим пассажирам.

– Брат! Ты нам жизни спас! – высокопарно произнес Толстый. – Скажи, как зовут хоть, чтоб знать, за кого свечку ставить.

– Ставь за Георгия-Победоносца, если надумаешь, – ответил пилот, щелкая тумблерами на приборной доске. – А вообще, Боже избави меня от таких братьев. У меня в родне дураков отродясь не было.

– Ну что ты так, – обиделся Толстый. – Я ж со всей душой, а ты оскорбляешь.

– Ух ты, обидчивый! – с иронией сказал летчик и поднялся с кресла. – Пошел бы ты со своей обидой знаешь куда?

– Не, я не понял, – покраснел лицом Толстый. – Ты что, нарываешься?

– Боюсь, турист, нарвешься ты. Я бы тебе не советовал, – спокойно ответил пилот, глядя в глаза Толстому.

Неизвестно, чем могла бы закончиться эта перепалка между спасенным и спасителем, если бы возле вертолета не затормозила с визгом карета «Скорой помощи» и в салон вертолета не заглянула рыжая веснушчатая девушка в белом халате.

– Пострадавшие есть? – спросила она серьезно.

– Да! Да! Я пострадавший, – засуетился Толстый, – Я, кажется, обморозил пальцы на левой руке.

– Садитесь в машину, – приказала девушка, и Толстый поспешил выполнить ее приказ. – Больше пострадавших нет?

– Нет, милая, с остальными все нормально, – ответил старший из альпинистов. – Езжайте. Заодно вместе с пальцами и голову ему проверьте.

– Тоже обморожение?

– Не знаю, – пожал плечами альпинист. – На первый взгляд, там и морозить нечего. Но вы проверьте на всякий случай.

– Мне с вам шутить некогда! – мгновенно покраснела всем лицом девушка, поняв, что ее разыгрывают, и забралась в карету «Скорой помощи». «Ульяновка» резко взяла с места и покатила по бетонным плитам.

– Ты уж нас извини, – тихо попросил старший из альпинистов, когда они вышли из вертолета. – Мы понимаем, в какое дерьмо ты полез из-за нашей дурачности. Не держи зла.

– Ладно, мужики, все нормально, – легко улыбнулся летчик, и, казалось, глубокие морщины на его лице немного разгладились. – Все хорошо, что хорошо кончается.

– Тебя в самом деле Жорой зовут? – поинтересовался альпинист.

– В самом деле.

– А фамилия?

– Хочешь благодарность в книгу жалоб написать? Не стоит, – вновь улыбнулся летчик. – Мне и так нагорит за нарушение правил безопасности полетов. Бывайте здоровы и живите богато.

Летчик помахал им рукой и пошел прочь от своей машины, а альпинисты тут же попали в горячие объятия начальника лагеря.

Возле наблюдательного пункта аэродрома МЧС – невзрачного двухэтажного домика – летчика окликнул властный голос человека, привыкшего повелевать:

– Иванисов! Георгий!

Летчик оглянулся и расплылся в улыбке, увидев того, кто назвал его фамилию и имя.

– Василий Петрович!

Сурового вида генерал-лейтенант авиации, который был уже явно близок к предельному возрасту службы, тоже улыбнулся:

– Узнал?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Поздравляю с очередным званием!

– Эх куда метнул! Уже два года эти погоны ношу. А ты, я вижу, свои снял.

– Другие надел. Имею звание майора войск гражданской обороны МЧС России.

– В армии ты бы уже давно полковником был, – упрекнул его генерал и оглянулся на своего спутника, невысокого, абсолютно лысого мужчину с восточным разрезом глаз под густыми бровями. – Летает, как Бог.

Мужчина едва заметно и, казалось, застенчиво кивнул, а генерал вновь повернулся к Иванисову:

– Ты почему ко мне не обратился, когда у тебя проблемы начались?

– Проблемы начались не у меня, а у нашего начфина, который присвоил боевые всего летного состава части за Чечню, – твердо ответил летчик.

– Но из армии ты ушел!

– Из армии ушел, из авиации, как видите, нет. А начфин все-таки сел. Восемь лет с конфискацией. Ну, а к вам не обращался, так вы ж далеко были. Да и не считал нужным.

– Гордый ты, Иванисов!

– Какой есть.

– Между прочим, чемпион России по вертолетному спорту, – опять повернулся генерал к своему спутнику.

– Экс-чемпион, – уточнил летчик. – Два года как не участвую. Не до того.

– Ну да, тебе тут, смотрю, задачки посложнее, чем на соревнованиях подбрасывают. Как ты определил, где альпинистов искать?

– Изучал карту. Поставил себя на их место, – похоже, летчик не видел ничего выдающегося в своих действиях.

– Но погода! То есть непогода! Ты же восемь пунктов Наставлений по безопасному производству полетов нарушил! Это как минимум! На что надеялся, на авось? – продолжал строго допытываться генерал.

– У меня интуиция.

– Которая тебя никогда не подводила, – развел руками генерал. – Что верно, то верно. Да уж. Ты тут прямо как Мимино из кино. Усов только нету. Баранов с козлами тоже транспортируешь?

– По-всякому, товарищ генерал-лейтенант. Что прикажут, то и транспортирую. И баранов, и козлов.

– А настоящим делом заняться не хочешь? – интригуяще спросил генерал.

– Сейчас, значит, по-вашему, не настоящим занимаюсь? – почти обиделся летчик.

– Ну, я не то имел в виду. Но ты же понимаешь!

– Не совсем, – летчик смотрел прямо в глаза генералу.

– Короче, есть конкретное предложение, – начал генерал и замолчал, вновь оглянувшись на своего спутника. Тот кивнул головой в знак согласия.

– Какое предложение? – спросил Иванисов, по-прежнему прямо глядя в глаза генералу...

2

Рано утром взводу контрактников из 201-й мотострелковой дивизии, приданных 11-й погранзаставе таджикских пограничников на реке Пяндж, пришлось подняться по тревоге. Со стороны Афганистана на надувных плотках быструю и мутную реку пересекла большая группа боевиков-талибов и оттеснила пограничников в глубь таджикской территории на несколько километров.

Наверняка среди боевиков были местные проводники, или те, кто ни один раз совершали такие рейды в Таджикистан. Талибы сумели подняться на господствующие высоты и вели очень плотный огонь по позициям отступивших пограничников.

Командир взвода российских контрактников, чернявый, похожий на цыгана, лейтенант Мельников был младше практически всех своих подчиненных. Он лишь год назад выпустился из училища, но, попав в 201-ю дивизию, уже не раз бывал в подобных переделках и потому повел своих солдат едва заметной горной тропой к реке, для того чтобы выйти в тыл афганцам и неожиданно ударить им в спину.

Однако талибы, предпринявшие столь масштабную вылазку, были не лыком шиты. Они явно знали о существовании неприметной тропы и о возможности такого маневра русских, и когда взвод Мельникова появился на берегу Пянджа, – в этом месте река была естественной границей между двумя странами, – контрактников сверху обстреляли из автоматов и гранатометов.

Скорее всего, группа, которую оставили талибы для прикрытия своего тыла и правого фланга, была небольшой, но она закрепилась на горной гряде, возвышающейся над берегом. А первое и незыблемое правило боевых действий в горах – преимущество у того, кто выше. Вести прицельный огонь по талибам было практически невозможно, зато сверху российские солдаты были как на ладони, и вскоре взвод понес первые потери.

Ситуация стала особенно драматической, когда по россиянам открыли огонь с другого берега реки, взвод оказался в самой настоящей западне, потому что путь к отступлению прекрасно просматривался с афганской стороны.

– Блин, они что, таджикам войну объявили? – спросил у Мельникова сержант Подметалин, подползая к командиру.

– Какая война, к ядреней фене, – выругался лейтенант. – Как два пальца об асфальт – они сейчас где-то рядом караван героина через речку переправляют.

– Видно, большой караван, раз такой шухер устроили, – предположил Подметалин, вытирая верхнюю губу, убирая указательным пальцем выступившие капли пота под широким курносым носом.

– Большой или маленький, а только нам от этого не легче. Похоже, пришла к нам Жозефина Павловна.

Подметалин три месяца служил под началом лейтенанта и не стал уточнять, кто такая Жозефина Павловна, поскольку уже знал, что так витиевато командир называет филейную часть человеческого тела, имевшую более выразительное и короткое название.

– Что там с Далговым? Почему радиста не вижу? – требовательно поинтересовался Мельников.

– Да зацепило Руслана нашего, в камни оттащили.

– Seriously?

– А хрен его знает, пуля в левое плечо вошла, но выходного отверстия нет; если со смещенным центром тяжести, то неизвестно, где ее хирурги отыщут.

– В сознании?

– В общем, да, но не совсем. Я ему пантопон вколос из аптечки, а то корчился от боли.

– Рация цела?

– Так точно.

– Давай сюда. Надо вертушки вызывать. Единственный шанс на спасение. Еще полчаса, и нас перешелкают по одному.

– Понял, есть.

Между тем огонь сверху усилился. Мельников сообразил, что к таджикским пограничникам подошло подкрепление, и поэтому талибы начали отходить к берегу Пянджа. Но для того чтобы переправиться без потерь, они должны были разобраться с его взводом.

К Мельникову подполз Подметалин с рацией.

– Как там ребята? – спросил лейтенант.

– Совсем плох Руслан, – сообщил он командиру. – Много крови потерял, бледный как мел. Тяжелников убит. И Касымбаев тоже. У Карбоинова тяжелое ранение, пуля в шею попала между каской и бронежилетом.

– Сволочи! – коротко отозвался Мельников. – Из-за порошка своего вонючего людей гробят.

Командир взвода нацепил наушники и включил рацию.

– Третий, третий! Я восемнадцатый. Вы меня слышите?

Подметалин шмыгнул носом и опять утер верхнюю губу.

– Да, я восемнадцатый! – радостно заорал старший лейтенант, видимо, услышав ответ третьего. – Зжат на берегу, четыре километра на юго-восток, палят с двух сторон. Несу потери. Срочно нужна помощь. Вертушки высылайте! Вертушки! Вер...

Пуля, пробившая каску Мельникова, оборвала его на полуслове. Он, помедлив мгновение, повалился на бок, а затем на спину. Все его лицо в один миг залилось густой кровью темно-алого цвета.

– Товарищ командир! – Подметалин тронул офицера за руку, но тот никак не отреагировал.

Сержант, преодолевая страх, снял с командира липкие от крови наушники и нацепил на себя.

– Товарищ третий, товарищ лейтенант Мельников убит! Нас мало уже осталось. Помогите!

Рация разлетелась на куски от попадания автоматной очереди из разрывных пуль, и Подметалин не успел услышать ничего утешительного.

– Mamочки! – прошептал двадцатитрехлетний сержант из-под Рязани, обхватив каску руками, словно они могли лучше защитить его голову от прямого попадания душманской пули.

Однако поборов душевную слабость, Подметалин взял себя в руки, осознав, что остался старшим в сильно поредевшем взводе.

– Взвод! – крикнул он. – Беречь патроны! Только прицельный огонь!

А цели – фигуры в коричневых ватных халатах – уже начали спускаться широкой цепью с горной гряды, передвигаясь перебежками, залегая и вновь поднимаясь.

– Жозефина Павловна! – уже совсем спокойно сказал сам себе Подметалин. – Она самая.

Но он все-таки ошибся. Из-за гребня, с которого спускались боевики, неожиданно вынырнул, перекрывая звуки стрельбы надсадным ревом двигателей, МИ-24 с красными звездами на зеленом фюзеляже и выпустил несколько ракет по порядкам талибов, атаковавших взвод российских контрактников. В небо взметнулись столбы рыжего пламени и через пару секунд осыпались каменным дождем.

Вертолет развернулся и вновь нанес точный ракетный удар. Контрактники сразу почувствовали ослабление огня сверху: душманы, кто успел, забились в каменные щели, боясь обнаружить себя. Кто не успел, а их было большинство, остались лежать неподвижными черными кучками на склоне горы.

– Ну что, духи? Получили? – крикнул, не в силах сдержать нахлынувшую радость, Подметалин. – Вы высоко, а вертушка выше!

Однако помочь попавшим под ракетный обстрел боевикам решили их друзья, оставшиеся на противоположном – афганском берегу Пянджа. По российским солдатам начал работать миномет, а в небо, оставляя едва заметный дымный след, ушли один за другим два «стингера» из переносных зенитно-ракетных комплексов.

Пилот вертолета каким-то чудом учуял опасность и вовремя отстрелил тепловые ловушки, заложив крутой вираж над горной цепью. Винтокрылая машина стала стремительно удаляться, превращаясь в черную точку, из которой вдруг с пронизывающим душу воем вырвались одна за другой пять или шесть ракет, устремившихся к позициям душманов на противоположном берегу. Через мгновение там начался кромешный ад. В мутные воды быстрой реки с шипением падали каменные осколки вздыбленной горной породы и шлепались окровавленные куски человеческих тел.

– Ай да молодец, оператор! Глаз как алмаз! – похвалил вертолетного стрелка Подметалин.

Срочную службу сержант отбывал в батальоне аэродромного обслуживания вертолетной части на Северном Кавказе и знал, что стрелка вертушки официально именуют оператором.

– Эй, куда же вы? – крикнул сержант вслед удаляющейся винтокрылой машине.

Однако он напрасно волновался. Вертолет улетел не насовсем, развернулся и вновь вынырнул из-за каменной гряды и остановился над ней, становясь прекрасной целью, но открывать огонь по вертушке с красными звездами на борту уже, видимо, было некому. Несколько душманов, из тех, что надвигались сверху на взвод российских контрактников, побросав оружие, стояли с поднятыми руками. Противоположный афганский берег молчал.

Вертолет завис над склоном горы и так висел некоторое время, пока контрактники не окружили боевиков и не повели их, связав предварительно руки, узкой горной тропой к таджикской пограничной заставе.

А спустя двое суток после этого боя в небольшом таджикском городке, скорее большем кишлаке, в полусотне километров от границы с Афганистаном, офицер-оператор того самого МИ-24-го колдовал в своей половине жилого модуля над составом таинственного напитка. Сверяясь с затертой бумажкой с какими-то каракулями, он отсчитывал капли из пипетки в стакан, уже заполненный густой жидкостью приятного желтовато-зеленого цвета. На блюде лежали два выжатых лимона, а над открытой банкой меда назойливо жужжала оса.

За стенкой, судя по доносившимся бессвязным выкрикам, шел пир горой. Экипажу вертушки удалось списать три литра «шила» – подкрашенного спирта из многолитрового бачка стеклоочистителя фонаря кабины своей боевой машины. Путем некоторых нехитрых манипуляций три литра спирта превратились в семь бутылок вполне приличной, а главное – совершенно дармовой водки.

В стенку постучали, и кто-то уставшим голосом выкрикнул:

– Петруха! Хорош дурью маяться! У нас еще три пузыря целых!

На лице Петрухи – старшего лейтенанта военно-воздушных сил России Петра Романчука – отпечаталось лукавое выражение, не покидавшее его физиономии ни при каких обстоятельствах. Однако сейчас это выражение было искажено гримасой страдания. Петрухе очень хотелось оказаться за стенкой. Однако он мужественно крикнул в ответ:

– Командир! Но ты же знаешь, у меня завтра медкомиссия. Не могу!

Он продолжил скрупулезный подсчет капель, выдавливаемых из пипетки, но его опять сбил голос за стенкой:

– Ничего не знаю! Петруха! Дуй сюда! Лапоть ты наш винтокрылый!

– Не могу! – тоскливо ответил старший лейтенант, но уверенности в его голосе уже не было.

– Я пр... Я прии... Я призываю! – наконец-то сформулировал, хотя и не очень четко, свою мысль командир экипажа за стенкой.

Петруха задумался, а затем вновь продолжил тискать пипетку.

В дверь неожиданно постучали, что было не принято аборигенами, потому как все знали, что двери комнаты неунывающего холостяка Петрухи всегда нараспашку, независимо от того, находился он на земле или в воздухе.

– Открыто! – с некоторым раздражением выкрикнул Романчук, окончательно сбившись со счета капель, выдавливаемых из пипетки в стакан.

– К медкомиссии готовишься, лейтенант? – раздался над его головой незнакомый голос.

– Старший лейтенант! – со значением рявкнул Петруха и поднял глаза.

В этот момент у него отвисла нижняя челюсть: перед ним стоял генерал-лейтенант, на кителе которого с левой стороны скромно и одиноко висела звезда Героя Советского Союза.

Романчук закрыл рот и вскочил, вытянув руки по швам:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

На спутника генерала, невысокого штатского с абсолютно лысой головой и миндалевидными черными газами под густыми бровями, Петруха не обратил внимания.

– Так ты мне не ответил. К медкомиссии готовишься, товарищ старший лейтенант? – с нажимом на слове «старший» повторил вопрос нечаянный гость.

Петруха наконец узнал его. Именно его фотографию, правда, на ней генерал Острохижа был в полковничьей форме, курсант Романчук видел практически каждый день в течение пяти лет на стенде «Ими гордится наше училище» в фойе учебного корпуса.

Петруха понял, что скрывать свое занятие перед пилотом-легендой, получившим свою Звезду в Афгане, не имеет смысла. Тот видел молодого офицера насквозь.

А дело было вот в чем. При фигурном пилотировании вертолета летчики испытывают порой семикратные перегрузки. Литр крови в этом случае весит семь килограммов, получается тяжелее железа, нагрузка на сердце чудовищная, и в итоге летный состав изнашивается очень быстро. К тому же среди вертолетчиков практически не бывает трезвенников, ведь, в конце концов, на халяву пьют даже они. А дармового «шила», как правило, хватает всегда. Оно ведь всем известно – «когда Бог дисциплину в армии раздавал, летуны в небе были».

Сохранить параметры здорового организма при таком образе жизни, с которым расставаться по собственной воле никто не хочет, весьма проблематично. Одним из главных показателей для регулярных медицинских комиссий всегда было артериальное давление. Именно потому еще в советские времена в военно-воздушных силах разрабатывались рецепты всяких самопальных коктейлей для его нормализации, которые якобы «сто процентно помогали». Характерно, что при всем разнообразии рецептов, передаваемых из уст в уста, лимоны и мед оказывались обязательным ингредиентом. Вот такой коктейль Петруха и пытался сейчас соорудить.

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант, – признался оператор.

– Водку пьешь? – укоризненно поинтересовался Острохижа.

– По праздникам...

Генерал многозначительно глянул на батарею пустых бутылок в углу.

– Со дня рождения... – не очень искренне прокомментировал Петруха.

– Ты где так стрелять научился? – перевел разговор на более приятную для Романчука тему генерал. – Тут про тебя такие сказки рассказывают – заслушаешься. Вильгельм Телль, да и только.

– На тренажерах... В небе... Сейчас хоть боеприпасы для боевых стрельб регулярно поступают, не то что раньше. А еще я целый комплекс упражнений для глаз придумал, есть свободная минута – занимаюсь! – с жаром призналась оператор, и, несмотря на лукавое выражение его лица, ясно было, что сейчас старший лейтенант говорит чистую правду.

– Сидеть в этой дыре не надоело? – спросил вдруг Острохижа и оглянулся на своего спутника, лысого мужчину восточного типа. Тот согласно кивнул головой.

– Я присягу давал, товарищ генерал-лейтенант, – скромно заметил Петруха. – Куда пошлют – там и буду служить!

– У меня к тебе конкретное предложение...

3

По размыканной автомобильными колесами желтой глинистой колее, которая изобиловала глубокими лужами, один за другим с жутким ревом, пробуксовывая и залезая на травянистые обочины, носились заляпанные грязью внедорожники самых разнообразных марок. Диапазон автомобилей был весьма широк – от стоивших многие десятки тысяч долларов импортных джипов известных брендов, таких как «Ландкрузер» и «Паджеро», до вазовских «Нив» и обновленных «УАЗов».

Впрочем, в соревнованиях по джип-триалу – гонкам по пересеченной местности – отнюдь не все зависит от мощности двигателя и уровня комфорта в салоне. Победа доставалась тем, кто чувствовал себя единым целым со своим автомобилем, тем, кто был профессиональней и отчаянней.

Был второй, последний день соревнований. Вчера водители состязались в фигурном вождении своих полноприводных машин. Приходилось преодолевать различного рода искусственные и естественные препятствия – заболоченные места, глубокие рвы едва ли не с отвесными стенами, водные преграды и прочее. Далеко не все машины выдержали испытания первого дня – безнадежно заглохли и не смогли восстановиться даже с помощью передвижной станции технической помощи. Иные побывали на крыше, обзавелись более или менее внушительными вмятинами на корпусах, но все же продолжили на следующий день борьбу в гонках по замкнутому кольцу по дороге, которая могла называться так только условно.

Практически у всех после первого дня были повреждены, а то и вовсе потеряны глушители, и потому рев на трассе стоял невообразимый, способствуя дополнительному выбросу адреналина и у водителей машин, и у многочисленных зрителей, толпившихся на высоком пригорке, украшенном флагами и транспарантами.

Соревнования проводились на артиллерийском полигоне, обычно закрытом для посещения посторонних. Но сегодня было сделано исключение, и посмотреть на действо приехали не только члены семей спортсменов, участвовавших в гонках, но и много болельщиков, профессионалов и новичков. Они получали особое удовольствие, наблюдая зрелище, шекотавшее нервы.

Кольцо, на котором гонялись друг за другом внедорожники, уходило за горизонт, но поскольку машины растянулись по всей его длине, в поле зрения зрителей почти всегда находились эпизоды бескомпромиссной борьбы моторов и пилотов машин.

Среди разноцветных джипов бросался в глаза серый «Атаман» – детище Горьковского автозавода. На его борту была изображена эмблема военно-воздушных сил России – золотой двуглавый орел, вцепившийся когтями в перекрещенные пушку и лопасти винта.

Водитель, пилотирующий этот джип, выделялся своей агрессивной манерой. Он смело шел на обгон, не боясь столкновения, нагло выпихивая с дороги соперников, не щадя ни своей, ни чужих машин, и его появление на участке возле пригорка, на котором толпились зрители, неизменно сопровождалось одобрительными выкриками, свистом и аплодисментами.

Не удивительно, что именно эта машина в конце концов первой пришла к финишу, почти протаранив опережавшую ее на корпус черную «Тойоту», водитель которой после мощного удара бампером в район левой задней дверцы от неожиданности тормознул, и его «японец» скатился юзом вниз по глинистому склону.

Пилот «Атамана» в черном комбинезоне, взойдя на самую высокую ступеньку импровизированного пьедестала почета, снял шлем и потрянул головой – и по его плечам тотчас рассыпались длинные золотистые волосы. «Баба!» – почти одновременно с восторгом и восхищением выдохнул несколько сотен болельщиков мужского пола. А баба – миловидная девушка лет двадцати трех – счастливо улыбалась, прижимая к груди медный кубок победителя всерос-

сийских соревнований. И еще – букет полевых цветов, который ей вручил один из почитателей ее мастерства, видимо, знавший, что за рулем «Атамана» была именно она.

Вытянув шею, победительница старательно искала кого-то в толпе, окружавшей место награждения, и, найдя, энергично помахала букетом. Когда с церемонией было покончено, она легко спрыгнула со ступеньки пьедестала и стала протискиваться к импровизированной стойке. Там выстроились в несколько рядов автомобили тех, кто приехал поглазеть на соревнования.

На левом краю у раритетной 24-й «Волги» стояли двое мужчин, к которым устремилась обладательница кубка. Девушка первым делом бросилась на шею коренастому, совершенно лысому мужчине со слегка раскосыми глазами под густыми черными бровями.

– Дядя Ринат! Я так давно вас не видела! Вы все такой же!

– Лысый? – улыбнулся мужчина, поцеловав девушку в щеку. – Это уже навсегда. Но ты молодец! Поздравляю, чемпионка! У меня сердце в пятки уходило, когда глядел на твои выкрутасы. Разве ж так можно?! А, Людонька? Разве так можно?

– Только так, дядя Ринат, только так. А иначе нам удачи не видать, а тем более победы.

– Возражать трудно. Победителей не судят. Но ты уже все-таки береги себя, такая красивая девушка, а ведешь себя как пацан с Красной Пресни, – ласково говорил дядя Ринат, откровенно любуясь девушкой.

– Но я там выросла!

– Но ты ж не пацан, тебе в конкурсах красоты надо участвовать, а не в этих гонках без правил.

– Скажете тоже! Нашли красавицу. Да что вы обо мне все. Как у вас дела? Закончили свой страшно секретный проект?

– Почти. Во всяком случае, испытания прошли успешно.

– Дядя Ринат! Вы у нас такой умный! Как в этой голове столько формул вмещается?!

– А разве маленькая голова? – опять улыбнулся лысый.

В разговор вмешался его спутник – рослый человек в полевой генеральской форме с двумя крупными звездами на погонах. Это был генерал-лейтенант Острохижа.

– Все шутишь? Комсомолка, спортсменка, красавица.

– А толку что? – развязно и с некоторым вызовом отреагировала чемпионка Люда. – Еще три языка знаю... Еще мастер по парашютному спорту. Первый разряд по каратэ. И где мне все это применить? Приходится в машинки играть, как маленькой.

Генерал и лысый мужчина, которого Люда называла дядей Ринатом, многозначительно переглянулись.

– Есть предложение... – наконец выдавил из себя генерал.

Глаза чемпионки загорелись.

– Это насчет того, что... ты мне говорил месяц назад?

Генерал молча кивнул головой.

– Спасибо, па! – Люда подпрыгнула и чмокнула генерала в щеку. – Тебе буська!

4

Из ресторана, расположенного на крыше отеля «Шератон», открывался чудесный вид на средиземноморский город. И хотя уже стемнело, эта ближневосточная столица была невообразимо прекрасна. Белые здания, подсвеченные уличными фонарями, черные мохнатые пальмы, нестихаемый гул автомобилей, движущихся по залитым электрическим светом улицам. С моря тянул легкий свежий ветерок, и его было очень приятно ощущать после долгого знойного дня без капли дождя.

В дальнем углу зала ресторана, за столиком, скрытым высокой спинкой кожаного дивана, сидели трое. Один из них был по виду европеец, поджарый мужчина лет пятидесяти. Белесые, а возможно, седые волосы оттеняли его загорелое лицо с голубыми глазами. Двое других, судя по одежде и характерной внешности, были местными жителями. У того, кто выглядел постарше, голова была накрыта клетчатым полотняным платком, опоясанным черным нитяным жгутом. Этот головной убор известен в России как «арафатка» или «арафатовка». Младший, заросший густой черной бородой, был в круглой белой шапке без козырька. Под левым глазом – небольшой, но глубокий шрам.

Вышколенный официант не выказал и тени неудовольствия, выслушав весьма скромный заказ – бутылку кока-колы и две – минеральной воды. Трое хранили молчание, пока не принесли напитки. Впрочем, официант сделал это очень быстро. Но лишь когда он удалился к барной стойке, европеец, подняв стакан с кока-колой, нарушил тишину.

– Рад вас видеть в добром здравии, дорогой Джаид, – сказал он по-арабски, обращаясь к старшему из своих собеседников. – Надеюсь, ваше семейство пребывает в благополучии?

– Какое может быть благополучие, когда нашу землю топчут неверные? – живо отозвался тот. – Какое может быть благополучие, если мы вынуждены жить в лагере для беженцев?

– Ничто не вечно под луной, – уклончиво сказал европеец. – Когда-нибудь вы обретете родину.

– Как только американцы перестанут помогать нашим врагам, мы вернемся на родную землю. Нас ничто не остановит! – с горячностью сказал младший. – Двое моих братьев приняли мученическую смерть во имя Аллаха, и, если потребуется, вся моя семья последует их примеру.

Джаид с некоторой укоризной посмотрел на него:

– Абдалла, никто не сомневается в твоей любви к родине, но ведь есть разные американцы. Кто-то помогает и нам, – наставительно произнес он, рассчитывая смягчить впечатление от выходки юноши. – Ричард – наш давний друг, и мы видели от него только хорошее.

Абдалла насупился и не ответил. Он и так нарушил традиции, вмешавшись в разговор старших. Хотя у него были для этого основания. Он считал, что Джаид, один из видных деятелей движения «Иншаллах», которое когда-то называлось «Организация освобождения угнетенной Родины», пользуясь старыми заслугами, слишком часто и слишком близко якшается с неверными, особенно с американцами. А ведь они никогда не были и никогда не станут настоящими друзьями арабов. И поэтому он сумел настоять на своем присутствии на этой встрече с резидентом Центрального разведывательного управления и не смог удержаться от того, чтобы сразу же не выразить свое отношение к этому человеку.

– Кстати о помощи, – сказал Ричард, отпив глоток колы. – У нас возникли проблемы. И поставка того, о чем мы с вами говорили в прошлый раз, пока откладывается.

– Это очень печальное для нас известие. Мы рассчитывали на то, что договоренности будут выполняться, – отозвался Джаид, для которого эта новость была неприятной еще и потому, что косвенным образом подтверждала правоту Абдаллы. Этот молодой человек, делавший стремительную карьеру в «Иншаллах», возглавлял бригаду боевиков «Молодой фронт

Иншаллах» и, кажется, уже претендовал на место Джада – третьего, а как считали некоторые, второго человека в Движении.

– Они будут выполняться, – заверил американец. – Но чуть попозже.

– Мы надеемся.

Ричард достал из кармана легкого пиджака несколько фотографий и положил их перед Джадом. Абдалла невольно скосил глаза на цветные снимки.

– Что это? – удивленно спросил Джад, показывая на фотографию, которая лежала сверху. – Реквизит для фильма Спилберга? У вас в Голливуде любят снимать разную фантастику.

– Это не фантастика, – заверил цэрэушник. – Это реально действующий вертолет русских. Пока существует в единственном экземпляре. Характеристики просто невероятные... Любому конструкторскому бюро мира потребуется еще минимум десять лет, чтобы создать нечто подобное. Если они запустят его в серию, то станут намного сильнее. Этого нельзя допустить.

– Русские нас предали, – издали начал Джад, не понимая, зачем Ричард показал снимки. – Им нельзя верить. Но евреи еще хуже русских.

Он замолчал, выжидая, но американец не ответил, и тогда Джад счел нужным поинтересоваться мнением своего молодого товарища:

– А ты как думаешь, Абдалла?

– Все они прежде всего неверные, кяфиры. Они изгоняют нас из наших домов и заслуживают только смерти, – безапелляционно высказался юноша.

– Среди русских много мусульман, Абдалла, – неожиданно возразил американец. – Русские разные, как и американцы. Россия всегда была врагом Америки. Но и Россия никогда не будет вашей опорой. Она всегда хотела только одного – прибрать вас к рукам.

«Как будто вы, американцы, хотите другого», – подумал Джад, но озвучивать свою мысль не стал. Вместо этого он сказал:

– Русские стали сейчас дружить с евреями. Им это больше нравится. Среди израильтян много бывших русских.

– Вот-вот, – подтвердил Ричард и повторил: – Русские бывают разными. Но враг моего врага всегда будет моим другом.

И цэрэушник показал своим собеседникам еще одну фотографию. На ней крупным планом были запечатлены двое пожилых мужчин, стоявших в обнимку. Снимок делали, очевидно, летом где-то в степи. Наверное, там было жарко, потому что вороты рубашек у снимавшихся были расстегнуты. У того, кто был повыше, на шее висел крестик на цепочке из белого металла, а на толстой шее коренастого и абсолютно лысого человека на желтой цепочке был полумесяц.

– Кто это? – спросил Джад.

– Это руководители проекта по созданию супервертолета. Генерал Василий Острохижа и главный конструктор Ринат Вагипов.

– Этот конструктор? – уточнил Абдалла, ткнув пальцем на снимке в лысого.

– Да, этот, – подтвердил американец.

– У него на груди полумесяц. Он что? Муслим? Мусульманин?

– Во всяком случае, из семьи правоверных мусульман.

– Ему делали суннат? – продолжал допытываться Абдалла.

– Да, он обрезан.

– Тогда почему эта собака служит неверным? – повысил голос юноша, и официант, стоявший у барной стойки, повернулся в его сторону.

– Может быть, он бы смог вступить на правильную дорогу и служить Исламу, – раздумчиво ответил американец и долил в свой стакан из бутылки остатки кока-колы. – Только надо ему помочь.

– Вы хотите сказать, это возможно? – осторожно поинтересовался Джаид.

– Давайте поговорим об этом чуточку позже.

Джаид понял так, что Ричарду не очень понравился пылкий Абдалла, и американцу хотелось бы поговорить только с Джаидом.

– Что ж, все в руках Всевышнего. Если на то будет воля Аллаха, у нас появится такая возможность, – ответил он.

– Да, – согласился американец, подымаясь из-за столика. – Будем надеяться. До встречи.

– До встречи, – ответил Джаид, а Абдалла промолчал, угрюмо глядя на американца...

5

Аэродром научно-исследовательской корпорации «Геликоптер» располагался в степном Заволжье на расстоянии более пятидесяти километров от ближайшего населенного пункта. Аэродром был небольшим, поскольку садились и взлетали здесь только вертолеты. На взлетной полосе редко бывало более двух машин одновременно, хотя их было здесь гораздо больше, но они без нужды не выставлялись, находились в замаскированных подземных ангарах, так что даже снимки из космоса не могли дать полного и исчерпывающего представления о характере и особенностях объекта.

Аэродром можно было принять за базу авиасельхозтехники, тем более что специальное подразделение – несколько старых вертолетов Ми-2, выполнявшее функцию прикрытия – время от времени вылетали на химическую обработку полей. Жители окрестных станиц были уверены, что ничего другого, кроме этих старых трескучих вертушек, на аэродроме не было. Тем более что никто из этих жителей не мог похвастаться, что когда-либо бывал на объекте, который не явно, но очень надежно охранялся особым сухопутным подразделением ВВС.

Возле входа в один из подземных ангаров выстроились в линейку трое – майор войск гражданской обороны Георгий Иванисов, старший лейтенант ВВС Петр Романчук и вольнонаемная Вооруженных сил РФ Людмила Острохижа. Девушка, однако, настояла, чтобы по документам ее провели под девичьей фамилии матери – Ковалева, дабы избежать особого отношения к себе, как к дочери генерала. Все трое были в одинаковых летных комбинезонах без каких-либо знаков различия. Все стояли по стойке смирно.

Вдоль недлинного строя расхаживал генерал-лейтенант Острохижа, чуть поодаль, несколько отстраненно, наблюдал за происходящим конструктор Ринат Вагипов.

– Надеюсь, трех дней отдыха вам было достаточно, чтобы познакомиться и... подружиться? – спросил генерал, взглядываясь в лица тех, кто стоял в строю, и стараясь не задерживаться на лице дочери.

Вопрос генерала носил несколько иронический оттенок. Синяк под левым глазом, который утром был максимально замаскирован с помощью немногих подручных средств, оказавшихся в косметичке Людмилы, выдавал Петруху, что называется, с головой.

- Что с вами, товарищ старший лейтенант? – не мог не поинтересоваться генерал.
- Да так... Оступился. С лестницы упал.
- В одноэтажной гостинице?
- Не повезло, товарищ генерал-лейтенант. Если уж не повезет, так не повезет.
- Вы что, невезучий, Романчук?
- Никак нет, товарищ генерал. Обычно нет. Но... и на старуху бывает проруха.

На самом деле проруха была не у мифической старухи, а у самого Петрухи. Еще в первый день все трое решили устроить небольшой банкет с целью закрепления знакомства. Хотя магазинов на аэродроме никаких не было, майор и старший лейтенант оказались людьми запасливыми, и потому с водкой, по крайней мере, в начале банкета проблем не было.

Людмила лишь пригубливала символически, чтобы не нарушать компанию, а «на грудь» брали только Иванисов и Романчук. Когда неожиданно и катастрофически водка закончилась, Петруха решил приступить ко второй стадии банкета – стал оказывать недвусмысленные знаки внимания Людмиле, причем такого рода, на какие на трезвую голову вряд ли решился бы.

Людмиле надоело сбрасывать его руку со своей коленки, и она покинула комнату, в которой поселили майора и старшего лейтенанта. Конечно, трезвой каратистке-перворазряднице не составляло большого труда вырубить распоясавшегося пьяного Петруху одним коротким движением, но она предпочла удалиться к себе в номер, посчитав невежливым ознаменовать первый день знакомства подобным образом.

Поскольку Иванисову такая рефлексия была совершенно чужда, он после ухода Людмилы самым доступным и понятным образом объяснил Петрухе, что тот был не прав, и кто здесь главный. Надо отдать должное старшему лейтенанту, он внял объяснению и даже, слегка протрезвев, исчез на полчаса, вернувшись с добытой незнамо где еще одной бутылкой водки. Таким образом банкет продолжился, и в нем снова приняла участие Людмила, перед которой оба сочли нужным извиниться и вновь пригласить к столу. Людмила не чванилась, тем более что никто из вертолетчиков не догадывался, кто отец этой милой особы.

В последующие два дня водку добыть стало невозможно, и все трое просто проводили время вместе, гуляя по степи и рассказывая разные байки из жизни вертолетчиков. Рассказывали, конечно, в основном Георгий и Петруха, а Людмила просто слушала. Они действительно подружились, насколько это возможно за такой недолгий срок.

Генерал перестал ходить и остановился возле Петрухи.

– Что ж, медицинскую комиссию вы все прошли, даже товарищ Романчук. Даже давление оказалось у него в порядке. – Петруха принял на себя вид оскорбленной невинности, но генерал не заметил этого и продолжил: – Ваши личные дела изучили в соответствующих структурах, никаких вопросов. Вам, наверное, интересно, зачем вас тут собрали?

– Так точно, – ответил за всех старший по званию Иванисов.

– Тогда пойдемте, – сказал генерал и сделал приглашающий жест по направлению к положому спуску, ведущему к входу в подземный ангар. Створки огромных дверей медленно разошлись и первым делом открыли взорам крепких ребят в пятнистой униформе с автоматами АКМ наизготовку. Генерал шел первым, за ним – конструктор. Автоматчики молча расступились, и тогда все увидели совершенно футуристического вида аппарат, одновременно похожий на самолет и вертолет.

– Что это? – не сдержал возгласа удивления Петруха. – Конвертоплан? Или винтокрыл?

У старшего лейтенанта были еще свежи знания, полученные в училище, и он знал о существовании летательных аппаратов, совмещавших в себе качества турбовинтового самолета и вертолета. Правда, до серийного производства дело дошло только в США, и там такая машина называлась конвертоплан. Название было обусловлено тем, что в американском «Оспри» воздушные винты при взлете работали как несущие, а для перехода к горизонтальному полету поворачивались вокруг поперечной оси.

Романчук помнил из лекций, что в Советском Союзе в шестидесятых годах были изготовлены опытные образцы винтокрыла КА-22, у которого винты не перемещались, а были закреплены на законцовках крыла. То есть вместо поворотных винтов использовались отдельные несущие и тянущие винты, между которыми переключалась тяга двигателя. Было известно, что после ряда катастроф работы над самолетно-вертолетным гибридом в СССР были прекращены.

– Это однозначно не винтокрыл, – впервые заговорил Ринат Вагипов, услышав дельный вопрос. – Но и не совсем конвертоплан. У американской машины время «конвертации» из вертолета в самолет порядка двух минут, что для боевого вертолета неприемлемо, ведь в бою все могут решить секунды. Здесь применена несколько иная, более эффективная схема.

– А вообще это «Громобой», – уточнил генерал. – И вам предстоит его осваивать.

– Вау! – издал радостный крик Петруха.

На что Иванисов сказал:

– Фильтруй эмоции, оператор.

И Романчук увял, устыдившись своего неуместного возгласа.

– Не говори гоп, пока не перескочишь, – заметил генерал, одобрительно глянув на Иванисова.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – вытянувшись, отрапортовал неказистый мужичок лет пятидесяти в комбинезоне, не отличавшемся стерильной чистотой, когда вся группа подошла ближе к вертолету.

– Знакомьтесь, инженер-механик Виктор Трофимович Кузнецов, – представил его генерал. – Он знает эту машину как свои пять пальцев. Я думаю, у него вы получите ответы на все ваши вопросы.

– Меня Трофимычем кличьте, – сказал техник, протягивая ладонь для рукопожатия. – Мне так привычной.

– Ну, а если что Трофимыч не может объяснить – обращайтесь к Ринату Галиакбаровичу. Он, так сказать, отец «Громобоя», главный конструктор, – продолжил генерал.

– К вашим услугам, – коротко кивнул головой Вагипов.

– Боевая машина, я вам должен сказать, уникальная, – отметил генерал. – Скорость до пятисот километров в час, высота полета до шести тысяч метров. Технология покруче «Стелс» – радиопоглощающие материалы, наружная архитектура снижает эффективную поверхность рассеивания в радиолокационном диапазоне волн, теплоизоляционные технологии и прочее. Не поверите, но летает практически бесшумно. Звукоизоляцию обеспечивает система с поэтическим названием «Опавший лист».

– Ну, на радарх его, может, и не увидят, зато для переносных зенитно-ракетных комплексов визуальная цель неплохая, – скептически сказал Иванисов, оглядывая машину сверху донизу.

– В случае острой необходимости «Громобой» может быть некоторое время практически невидимым, – пояснил главный конструктор.

– Как это, дядя ... ой ... Ринат Галиакбарович? – спросила Людмила, большие глаза которой, казалось, стали еще больше от услышанного.

Майор Иванисов подозрительно посмотрел на вольнонаемную блондинку, пытавшуюся назвать конструктора дядей, но через несколько секунд забыл обо всем, остолбенев от удивления.

В «Громобой» быстренько забрался бортмеханик Трофимыч, и спустя мгновение громадина чудо-вертолета исчезла из ангара, просто взяла и испарилась. Конструктор с генералом от души забавлялись, глядя на реакцию летчиков, которым предстояло осваивать эту машину.

– Что это было? – выдавил из себя Иванисов, когда «Громобой» вновь материализовался.

– Ларчик просто открывается, – не стал томить главный конструктор. – Это система визуальной защиты «Хамелеон». Весь корпус машины оснащен полиуглеродным мимикрирующим покрытием – небольшими ретранслирующими элементами, сочетающими качества телекамер и жидкокристаллических экранов. При активизации системы «Хамелеон» через эти элементы транслируется изображение того, что находится за вертолетом.

– Ух ты! – не нашел больше слов Петруха.

– Есть и для тебя сюрпризы, оператор, – обратился к нему генерал Острохижа. – Оружейники предложили свои последние разработки – особо точные ракеты класса «воздух-земля» и «воздух-воздух», автоматическую пушку. Может нести торпеды, естественно, осуществлять бомбометание. Мощнейший прожектор, лазерные приборы наведения и прочая, прочая, прочая.

– По поводу возможной уязвимости от ПЗРК, на которое вы обратили внимание, то должен вам заметить, что это не совсем так, поскольку тепловые ловушки нового поколения делают его практически неуязвимым для «стингеров», – добавил генеральный конструктор. – В оснащение «Громобоя» входит и небольшой самолет-беспилотник с видеокамерой и разнообразными датчиками. Беспилотник всегда можно отправить впереди «Громобоя», он даст исчерпывающую информацию. Кстати, несмотря на размеры, в принципе «Громобой» может

быть разобран за несколько часов и за столько же собран. Это позволит транспортировать его в контейнерах в любую точку мира.

– Система управления принципиально отличается от традиционной? – задал вопрос майор Иванисов.

– Нет, Жора, – по-свойски ответил ему генерал. – Не принципиально. Думаю даже, что управлять им проще, чем обычной вертушкой. Но есть свои особенности, которые надо принимать во внимание. В экипаже два человека – пилот и оператор.

– Товарищ генерал, – очень звонким от обиды голосом сказала Людмила, обращаясь к отцу. – А как же я?

– Для стопроцентной эффективности «Громобоя» экипаж работает с наземным авиационным корректором – наводчиком. Детали выясните в процессе обучения.

– А где предполагается использовать «Громобой»? – спросил Петруха.

– С учетом его уникальных характеристик – по всему миру. Везде, где возникнет необходимость защиты интересов России и россиян.

Ответ старшего лейтенанта удовлетворил, и его лицо приняло привычное лукавое выражение.

– Сегодня получите документацию для изучения. Завтра начнутся теоретические занятия, а потом и практические.

В кармане у Вагипова ожил мобильник.

Приложив его к уху, конструктор сказал по-татарски:

– Салам алейкум, эта! – а затем, видимо, из уважения к стоящим рядом людям, которые татарским не владеют, перешел на русский: – Я сейчас очень занят, папа. Работаю. Извини. Очень рад за тебя. Да, понимаю, что каждый правоверный хоть раз в жизни обязан. По-доброму тебе завидую. В следующем году – обязательно!..

6

В одной из старейших мечетей Казани, построенной еще в восемнадцатом веке по личному разрешению императрицы Екатерины Второй, шли торжественные проводы паломников, отправляющихся в хадж. Глаза этих людей, облаченных в белые одежды, сияли. Их радость была вполне понятной. Ведь они отправлялись в гости к самому Аллаху.

Об этом еще раз напомнил имам мечети – сухощавый мужчина лет сорока с аккуратной бородкой на лице аскета, вещавший с кафедры-минбара:

– В буквальном переводе с арабского языка хадж означает «стремление, намерение или стремление к прославленному» и «возвращение, возобновление». Совершающие хадж являются гостями Аллаха Всевышнего, ибо поистине если они призовут к Нему, то Он ответит им, если они станут каяться перед Ним, то Он простит их.

Паломники с почтением внимали словам имама. Все они были людьми зрелого возраста, в подавляющем большинстве своем искренне и глубоко верующие. Они хорошо знали, что хадж – паломничество в Мекку – один из пяти столпов ислама.

Как известно, правоверный мусульманин обязан исповедовать символ веры: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад – пророк Аллаха», пять раз в день творить молитву – намаз, соблюдать саум – пост в месяц Рамадан лунного календаря, дарить милостыню и хотя бы раз в жизни совершить хадж.

«Обязанностью людей по отношению к Аллаху является совершение хаджа к Дому для тех, кто в состоянии это сделать. А если кто-либо не верует и не совершит хаджа, то ведь Аллах не нуждается в обитателях миров», – сказано в Коране, в 97-м аяте суры «Семейство Имрана».

При всем при этом обязанность хаджа распространяется отнюдь не на всех правоверных, а лишь на тех, кто имеет физическую и финансовую возможность. Паломник должен иметь достаточно средств для покрытия своих собственных расходов, а также расходов своих близких, заплатить долги, если он их имеет, до того, как он отправится в хадж, и он должен быть человеком, достигшим определенного возраста. Иначе путешествие в Мекку, даже если оно выполнено с соблюдением всех обрядов, не считается хаджем.

Паломники, отправляющиеся на поклонение к святыням ислама, входят в особое состояние, именуемое ихрамом. Во время ихрама паломники не должны предаваться плотским утехам, бриться или стричь ногти, пользоваться одеколоном или ароматическими маслами, убивать или охотиться на кого бы то ни было, драться и ругаться. Кроме того, женщинам нельзя скрывать лица или надевать перчатки, даже если они делают это в родной стране, а мужчинам – носить одежду с шитьем. Два куса белой материи, в которые облачаются мужчины, символизируют смертельный саван. Женщинам дозволено совершать хадж в платьях.

– Тот, кто совершит хадж ради Аллаха, не сквернословя и не совершая ничего греховного, вернется домой таким, каким он был в тот день, когда родила его мать, – напомнил имам мечети.

Паломники, слушая эти слова, проникались особым благоговением, сознавая, какое счастье выпало им. Ведь о том, чтобы попасть в Мекку, во внутренний двор Харамы, самой большой мечети в мире, где находится Кааба – храм в виде куба, основанный, по преданию, самим Адамом и восстановленный Авраамом, не могли и мечтать поколения их предков.

– Поистине, первый благородный молитвенный Дом, который был воздвигнут для людей и который Аллах сделал Святыщем для них, – тот, который в Мекке, – благословен Аллахом и руководство для людей, куда обращаться во время хаджа и молитвы... – вновь процитировал Коран настоятель мечети.

Во времена Советского Союза в хадж могли отправиться от силы несколько десятков паломников. Когда началась перестройка, государственная атеистическая идеология перестала

быть препятствием, но были препятствия иного рода: недостаток средств – на совершения хаджа требовалось до двух тысяч долларов – огромная сумма по меркам тех лет, плюс проблем с переводом советского рубля в твердую конвертируемую валюту.

Только в 1990 году первая большая группа мусульман из Советского Союза – их было около полутора тысяч – побывала в священных местах. Эта поездка была полностью профинансирована королем Саудовской Аравии и стала подарком советским мусульманам. Ситуация повторилась и во время дефолта 1998 года, когда паломники из России вновь побывали в хадже за счет саудовского короля.

Сейчас люди стали жить лучше, и деньги больше не самая серьезная проблема. Количество желающих совершить хадж квотируется Саудовской Аравией, но это не удивительно. Каждый год около двух миллионов мусульман на пять дней собираются в Мекке – самом главном из святых мест ислама – для совершения самого главного обряда веры, но больше паломников королевство просто не в состоянии принять. Поэтому для каждой страны каждый год доводится цифра, лимитирующая число паломников. И попасть в заветное число было большим счастьем.

– Ля иляха илля-ллах ва Мухаммадун расулю-лах, – провозгласил имам. – Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад – пророк Аллаха. Вас ждет нелегкая дорога, на ней вас могут поджидать всякие неожиданности. Но помните: чтобы не случилось, болезнь, немощь или смерть – на все воля Всевышнего. Более того – смерть во время хаджа – прямая дорога в рай. «Если Бог решит, что мне пора умереть, пусть это случится в пути и пусть мое лицо будет обращено к Мекке» – испокон веков говорят мусльмане.

На пути в Мекку вам могут встретиться разные люди, не только мусульмане, но и христиане, евреи. Помните, что они тоже люди Писания, ибо сказано в Коране: «Веруем мы в Аллаха и в то, что ниспослано было Аврааму, Исаилу, Исааку, Якову и потомкам их, в то, что даровано было Моисею и Иисусу и что даровано было пророкам Господом их. Не проводим мы никакого различия между ними и предаемся Ему».

Паломники внимательно слушали последние наставления своего духовного руководителя перед дальней дорогой.

Настоятель мечети закончил свое напутствие такими словами:

– И еще сказано в священной книге: «Если вступаете в спор с людьми Писания, то приводите им доводы наилучшие. Говорите: „Уверовали мы в то, что ниспослано нам и что ниспослано вам. Бог наш и бог ваш – один, и предаемся мы Ему“...

На выходе из мечети у автобуса паломников поджидал молодой человек в деловом костюме, менеджер туристической фирмы «Итиль-тур-хадж».

– Здравствуйтесь! Вы все меня, конечно, хорошо помните, мы с вами уже неоднократно встречались. Но сегодня моя опека над вами заканчивается. Все ваши вопросы и проблемы будет решать ваш руководитель группы уважаемый эфенди Галиакбар-хаджи.

Менеджер склонился в легком поклоне перед сурового вида невысоким стариком с седой бородой, на голове которого была небольшая зеленая чалма – знак того, что этот человек уже совершил однажды хадж и его должно называть хаджи.

– О! Я его знаю, – уважительно произнес очень полный и круглолицый человек своему соседу. – Это Галиакбар Вагипов.

– Вы из одной махалли? – спросил сосед.

– Нет, – ответил круглолицый. – Мы посещаем разные мечети. Я его лет двадцать пять не видел. Он преподавал нам в университете английский.

– Строгий был, наверное? Выражение лица у него такое!

– О! Не то слово! Очень строгий! Зато справедливый. И сумел заставить выучить язык. Я ему очень благодарен. В наше время студенты не очень иностранный жаловали – зачем? А теперь я ему очень признателен.

Между тем менеджер «Итиль-тур-хаджа» продолжал:

– Наша фирма предъявляет очень высокие требования к руководителям групп. Как минимум такой человек должен знать арабский, татарский и русский языки. Галиакбар-хаджи владеет к тому же в совершенстве английским. Он знает все детали и особенности совершения хаджа, традиции тех стран, через которые пролетает ваш путь. Он уже дважды совершил хадж. Мы не сомневались, что лучшего руководителя для вас мы не найдем, и поэтому очень рады, что уважаемый эфенди Галиакбар-хаджи согласился возложить на себя столь хлопотные и ответственные обязанности. Поприветствуем его!

Молодой человек захлопал в ладоши, и его примеру охотно последовали паломники.

Галиакбар-хаджи сдержанно и с достоинством поклонился.

Менеджер турфирмы жестом пригласил в высокий красивый автобус:

– Поднимайтесь, пожалуйста. Чартерный рейс на Дамаск через два часа.

По дороге в аэропорт Галиакбар-хаджи взял в руки микрофон и довольно подробно и обстоятельно рассказал о маршруте их путешествия. Из Дамаска до Мекки, сообщил он, придется добираться автобусом, и это наиболее трудная часть путешествия. Аэропорты Эр-Рияда – столицы королевства – в начале двенадцатого месяца мусульманского лунного календаря, который называется «зу-ль-хиджжа», т.е. «обладающий паломничеством», просто не в состоянии справиться с потоком авиапассажиров, стремящихся попасть в вожденное место в положенный срок. Поэтому паломники из России, как правило, летят до Дамаска в Сирии или до Аммана в Иордании и уже оттуда прибывают в Мекку автотранспортом.

– А как далеко мы будем жить от главной мечети, уважаемый Галиакбар Абдразакович? – спросил его бывший студент, видимо, привыкший за последние благополучные годы жизни к высокому уровню комфорта.

Старик не высказал никакого удивления, что его называли так, как было принято его называть во время работы на кафедре иностранных языков в университете, а спокойно ответил:

– Хадж лишь юридически оформляется как туризм, между тем этот акт веры не имеет ничего общего с развлечениями и отдыхом. Но ты, Рафаэль, не беспокойся уж так сильно. Согласно договору фирма «Итиль-тур-хадж» обеспечивает проживание в Мекке в домах паломников на расстоянии не более двух километров от Харама. Надеюсь, ты не очень устанешь за время паломничества.

– Конечно, конечно, учитель! Вы меня помните? Ведь прошло столько лет!

– У меня хорошая память, Рафаэль. Это профессиональное...

7

Через нижнюю полусферу остекления «Громобоя» сначала были видны мелькавшие верхушки деревьев, а затем линия горизонта быстро ушла вверх. Вертолет резко снижался, едва ли не задевая днищем острые вершины сосен, а затем вновь взмыл вверх, очень быстро поднявшись на такую высоту, что асфальтовая лента шоссе под ногами превратилась в тонкую серую нитку, лежавшую на темно-зеленой мягкой траве, которая на самом деле была не травой, а сосновым лесом.

Иванисов, без усилий перемещая рукоятку пошагового управления, пробовал чудомашину на самых разных режимах. «Громобой» легко слушался пилота, исполняя все его, порой весьма рискованные, желания. Летчик чувствовал себя в кабине уютно и спокойно, новый вертолет давал удивительное ощущение свободы перемещения в воздухе.

Машина была устойчива на крутых виражах, подъемах и спусках так, что Георгий едва удерживался от соблазна попытаться исполнить некоторые фигуры высшего пилотажа, которые обычный вертолет по определению исполнить не мог. Однако, несмотря на азарт и бесшабашную лихость, которыми отличался пилот Иванисов, на безумные поступки в воздухе он был никак не способен.

Слишком много смертей по причинам обычной глупости пришлось наблюдать ему за свою летную карьеру. Афганистан Георгий не застал, но Чечни хлебнул достаточно. Впрочем, смертельная опасность нередко поджидала вертолетчиков не только в период боевых действий, но и в мирное время. Доводилось бывать в различных передрягах, не раз останавливаясь у гибельной черты, стараясь учиться на чужих трагических ошибках, а не на своих, как получается у большинства людей на этой земле.

В правом кресле кабины сидел Петруха. Старшему лейтенанту Романчуку некогда была глазеть по сторонам, его внимание было полностью отдано дисплеям, встроенным в его половину приборной панели вертолета. Хотя время от времени, с интервалами в несколько секунд, оператор все же бросал взгляды через стекло кабины. Под руками у него были кнопки и тумблеры пульта ведения огня.

– 27-31, – требовательно крикнул он в микрофон, закрепленный на шлеме у его рта. – Жора! 27-31!

– Слышу, Петруха, слышу, – успокаивающе произнес Георгий.

В самом деле, оператора было хорошо слышно и без всяких наушников, лопасти вращались удивительно тихо, двигатели шумели не более чем обычный домашний пылесос. Однако приказ есть приказ, и они не выключали шлемофоны. Во время ракетного залпа или отстрела тепловых ловушек члены экипажа могли не расслышать друг друга или неверно понять, что было совершенно недопустимо в скоротечном, длящемся порой мгновения современном бою. Ведь пилот и оператор должны были действовать слаженно и представлять собой единое целое.

– 27-30! НЛЦ! Блин! ЛЦ. Птица!!! – выдал, цокая, энергичную тираду старший лейтенант, которая означала, что в определенном месте он обнаружил низколетящую цель и тут же понял, что это ложная цель, скорее всего, птица.

– Вас понял, – ухмыльнулся Иванисов, видя, как старается молодой горячий старлей, желая показать свои способности во всей красе, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, если они, конечно, были, по поводу обоснованности его включения в экипаж «Громобоя».

– 27-30, – вновь повторил оператор.

– Вас понял! – тут же отреагировал Иванисов.

– ЛЦ! Блин! Что эта девка передает, мать ее за ногу!

Внезапно в привычные шумы вмешался постепенно нарастающий неприятный, леденящий душу вой, а затем по ушам ударил громкий хлопок, после чего экипаж оказался в абсолютной тишине и темноте.

– Приехали, – огорченно констатировал майор. – Вылезай, Петруха. Разбор полета будет.

И старший лейтенант первым покинул тренажерный комплекс «Громобой», несмотря на сугубо отечественное происхождение носивший звучное иностранное имя LOFT. Эта английская аббревиатура означала, что они с командиром только что осуществляли летную подготовку в условиях, максимально приближенных к реальным, – Line Oriented Flight Training.

Тренажер представлял собой вещь едва ли не более фантастическую, чем сам «Громобой». Пожалуй, единственное, что он не мог симитировать, так это перегрузки во время резкого снижения или подъема. Звуки, вибрация, трехмерное изображение, возникавшее на стеклах кабины, создавали полную иллюзию полета с боевыми стрельбами.

В учебный класс вбежала возбужденная Людмила, которая тренировалась в комнате через стенку.

– Ну и куда ты нас выводила? Ты куда смотрела? На экран или в окно? А в реальной обстановке куда будешь смотреть? – обрушился на нее Романчук.

– Вся информация к вам поступала согласно показаниям приборов, – огрызнулась девушка. – Неизвестно, куда ты смотрел и что видел.

– Нет, ты только послушай ее, – жалобно заныл Петруха. – Я, блин, боевой офицер, можно сказать, вынужден выслушивать хрен знает что!

– Без блинов с хреном при девушке! – строго сказал ему Иванисов. – Не в казарме, не забывайся.

– Ладно, мальчики, не ругайтесь. Сейчас придет дядя... то есть Ринат Галиакбарович, и раздаст всем сестрам по серьгам.

– Ну что, слышал? – с притворным возмущением сказал старший лейтенант. – Вот мы уже и сестры! Скоро в куклы играть начнем и бантики заплетать.

Возмущение было притворным, потому что на самом деле Петрухе, который в отличие от многих своих товарищей по училищу так и не обзавелся законной женой на последних курсах и отправился на службу в Таджикистан холостым, очень нравилась Людмила. Ее внешняя привлекательность – особенно девушку украшала улыбка, а улыбалась она легко и по всякому поводу – сочеталась с открытым и озорным характером.

Против такого коктейля Романчуку устоять было трудно, если вообще возможно. Ведь до встречи с Людмилой в течение трех лет оператор был лишен приличного женского общества. Он коротал свободные вечера, как правило, в теплой компании таких же, как он, неженатых лейтенантов, уничтожая сэкономленное «шило» из весьма объемного – семнадцать литров! – бачка стеклоочистителя своей винтокрылой машины.

– А ты что, и в самом деле конструктору племянницей приходишься? – вдруг поинтересовался Иванисов. – Уже который раз гляжу, спотыкаешься. Он вроде как татарин или башкир, а ты белобрысая или почти рыжая. Или красишься?

– Обижаете, майор, я – натуральная блондинка, – уходя от ответа на первый вопрос, сказала Людмила.

– Во! Сама призналась! – обрадовался Петруха. – Блондинка! Натуральная! Ну что с нее взять?

– Того, что хочешь – не возьмешь! – показала ему алый остренький язычок девушка и быстро спрятала его, облизнув пухлые губы.

Петруха смутился, даже потемнел лицом и приметно увял.

– Но так я не понял, Люся, ты племянница или кто? – настаивал майор.

– Георгий, но вы тоже можете быть приставучим, как Петя. Ну какая я племянница Рината Галиакбаровича? Просто он хороший человек, а я с детства привыкла всех хороших людей звать по-родственному – дядя или тетя. Вот и все.

– Привыкла, значит? – не унимался слегка задетый ее сравнением с Петрухой Иванисов.

В этот момент в учебный класс стремительно вошел главный конструктор «Громобоя». С лица Людмилы сошла привычная улыбка, и офицеры невольно подтянулись, хотя весь облик Вагипова выдавал в нем сугубо штатского человека.

– Все вы действовали правильно, у всех без исключения реальные успехи, – сходу успокоил конструктор экипаж и корректировщицу.

– А как же наша печальная кончина? Полагаю, это я допустил какую-то ошибку? – осторожно поинтересовался Иванисов.

– А вы как думаете?

– А что остается думать? Хотя, честно-откровенно, я за собой огрехов не помню.

– И правильно, – подтвердил Вагипов. – У вас ошибок не было. Винават компьютерный сбой, недосмотрел программист, готовивший тренажер. Дело в том, что мы ранее предполагали способность «Громобоя» к самоликвидации при отсутствии соответствующих сигналов от экипажа, которые должны подаваться периодически. Но потом мы отказались от этой идеи, потому что никакая суперсовременная машина не дороже человеческой жизни. А это был серьезный риск для экипажа, ведь люди могут отвлечься или по каким-то иным причинам не ответить на запрос интегрированного бортового комплекса. Вот. А программист не внес изменения в программу тренировок и уже получил нагоняй. Вот так.

– Это радует, – признался Иванисов.

– Если радует – прошу еще в полет. Пока в учебный. Повторение – мать учения.

– Ну да. Тяжело в учении, легко в бою, – вроде как поддержал конструктора, а на самом деле съязвил Петруха, которому подобные выражения глубоко въелись в печенки еще в училище.

8

Шел второй день хаджа паломников из Казани.

Минувшим вечером в аэропорту Дамаска, очень напоминавшего московский аэровокзал Шереметьево и поразившего казанцев обилием курящих людей, среди которых было немало женщин, группу из столицы Татарстана встретил представитель сирийской туристической компаний, сотрудничавшей с «Итиль-тур-хадж». Молодой, коротко стриженный араб с высокими залысинами, открывавшими загорелый лоб, начал с извинений:

– Получилась досадная неприятность, – объяснил он Галиакбару-хаджи на ломаном русском языке. – Автобус, который должен был доставить вас в Мекку, попал в небольшую аварию.

– И что вы предлагаете нам делать? – спросил его руководитель группы на арабском. И хотя Вагипов-старший говорил на египетской версии, которая считается в арабском мире наиболее модной, а в Сирии произношение несколько отличается, тем не менее представитель сирийской турфирмы был приятно поражен.

– Вы хорошо знаете арабский! – похвалил он старика. – Вы ученый человек!

Галиакбар-хаджи принял вид еще более суровый, чем обычно, и прервал менеджера:

– Извините, уважаемый, мы не за комплиментами сюда приехали. У нас впереди еще долгая дорога. Нам что теперь? Ночевать в аэропорту?

– О нет, конечно, уважаемый! Конечно, нет! Есть несколько вариантов. Мы можем отправить вас прямо сейчас несколькими микроавтобусами до иорданской границы, а там на переходе Эр-Рамта вас встретит мой коллега из амманского представительства нашей фирмы. Он найдет вам автотранспорт до Мекки. Возможно, придется немножко подождать. Небольшое неудобство еще и в том, что микроавтобусы не пересекают границу. Но в Эр-Рамте пропускают и пешеходов. Правда, придется идти пешком достаточно большое расстояние. Между сирийским и иорданским терминалами около пяти километров.

– В нашей группе есть женщины и дети, люди преклонного возраста, – напомнил Галиакбар-хаджи.

– Мы знаем это, – предупредительно сказал менеджер. – Поэтому мы предлагаем вам переночевать в отеле за счет нашей фирмы, а к утру найдем вам автобус, который доставит, как это и было предусмотрено договором, в Мекку.

– Мне надо посоветоваться с группой, – сказал старик и перевел паломникам, столпившимся вокруг, содержание своего разговора с представителем туристической фирмы.

– А сколько времени займет дорога до этого самого Эр-Рамта, Галиакбар Абдразак-ович? – поинтересовался бывший студент Вагипова-старшего.

На его вопрос ответил сириец, который понял, о чем спрашивают:

– Дорога хорошая. Отличное шоссе. От Дамаска до Эр-Рамта не более пяти часов пути. Правда, на границе может быть очередь. Но никогда больше четырех часов не стояли автобусы на контрольно-пропускном пункте.

– То есть мы пересечем границу либо среди ночи либо рано утром? И потом без отдыха будем ждать, пока нам найдут автобус до Мекки? – с возмущением уточнил бывший студент руководителя группы.

– За то время, пока вы будете добираться, мы свяжемся с нашим представительством в Иордании, и они сделают все возможное, чтобы вы как можно скорее попали в Мекку.

По поведению менеджера было понятно, что его более устраивает первый вариант, потому что он принес бы наименьшие потери его фирме. Однако паломники были настроены иначе.

– Эфенди Галиакбар-хаджи, – обратилась по-татарски к старику пожилая женщина, обветренное лицо которой и натруженные руки с выступающими венами выдавали сельскую

жительницу. – Я так понимаю, нас разделят и посадят в несколько автобусов? Но мы ведь не знаем их языка? Со мной мальчик, младший сын...

– Не опасайтесь, апа, – успокоил ее старик. – Думаю, надо переночевать в гостинице. Никто не против?

Паломники стали дружно высказываться за ночевку.

– Решено, – подвел итог Вагипов-старший. – Мы едем в отель.

– Хорошо, – склонил голову в коротком поклоне менеджер турфирмы. – Мы забронировали места в «Аль-Бабилон», это в центре города. Если кто-то хочет, можно будет погулять по городу. У нас очень безопасно. Преступности нет.

Дорога в отель заняла почти час. Автобус подолгу стоял в пробках, в которых водители постоянно сигналили друг другу, а поскольку кондиционер не работал, пассажиры вдоволь надышались воздухом, настоящим на отработанных газах из выхлопных труб автомобилей.

Окраины сирийской столицы из окон автобуса на первый взгляд тоже не впечатлили паломников – очень много похожих пяти – и шестиэтажных домов, не отличавшихся архитектурным разнообразием. Серый бетон, серый асфальт, рыжие камни. Но в центре, в Старом городе, ситуация была совершенно другой. Здесь сохранилось немало весьма древних построек, стоявших здесь еще со времен Римской империи.

Отель, несмотря на то что находился в Старом городе, а может быть, именно поэтому не отличался особым комфортом. Маленькие комнатки, в которых имелось по две кровати, а вот вода и прочие удобства – в конце коридора.

Туристическая фирма, надо отдать ей должное, позаботилась и о легком ужине для паломников, который ожидал их в ближайшем кафе, или, скорее, забегаловке невысокого пошиба. Она порадовала, пожалуй, лишь «фрешем» – свежавыжатым апельсиновым соком, в стакан которого кладут еще кусочки ананасов и бананов.

Понеся непредвиденные расходы, сирийцы явно сэкономили на автобусе, поданном утром к гостинице. Выдавший виды «Мерседес», который был произведен не позже 70-х годов прошлого века, производил не очень хорошее впечатление и явно был не из «гаража-пульмана» – так в Сирии называют автовокзалы высшего класса в отличие от просто «гаражей».

Тем не менее кондиционер в этом автобусе был все-таки в порядке, а с потертыми сиденьями, исцарапанными боками и не откидывающимися назад креслами можно было смириться. Снаружи машина была богато раскрашена орнаментом и каллиграфически исписана краткими цитатами из Корана, в основном на тему могущества Аллаха.

Убедившись, что все паломники вошли в автобус и ничего из своих вещей не оставили в «Аль-Бабилоне», Галиакбар-хаджи велел трогаться.

Водитель, мужчина лет пятидесяти с пышными усами, в которых была перемешана «соль с перцем» – седые волосы с черными, – согласно кивнул головой, и автобус начал свое движение к возжеленной для каждого мусульманина цели – Мекке.

Ночь, проведенная в незнакомом месте, была для многих паломников бессонной, потому ничего удивительного не было в том, что почти все пассажиры автобуса к третьему часу пути задремали или бодрствовали в полудреме. Поэтому визг тормозов и резкое торможение, которое бросило их вперед, на спинки впереди стоящих кресел, застало врасплох.

Галиакбар-хаджи, который, как руководитель группы, сидел недалеко от водителя и не спал, быстро обернулся к салону и сказал в микрофон:

– Спокойно. Это полиция. Наверное, превысили скорость.

На пустынном шоссе стоял темно-синий джип с белой надписью на борту арабской вязью, продублированной по-английски – Police. Молодой офицер полиции с густой черной бородой, остановивший автобус жезлом, неторопливо подошел к передней двери, которая тут же открылась с легким шипением.

– Куда едешь? – спросил он водителя, не утруждая себя приветствием.

Водитель, удивленно подняв густые брови, тем не менее ответил:

– В Саудовскую Аравию. В Мекку. Хадж.

Бородатый офицер выслушал ответ водителя, глядя не на него, а в салон.

– Кого везешь?

– Паломники. Я же сказал – хадж.

– Откуда?

– Кажется, русские. Из России.

– Русские совершают хадж? Насмешил.

Офицер поскреб указательным пальцем свою волосатую грудь, которая виднелась из расстегнутой у воротника рубашки.

– Мы мусульмане, – с достоинством сказал офицеру Галиакбар-хаджи, вмешиваясь в разговор. – И мы из России.

Полицейский посмотрел на него пристально, но никак не отреагировал на эти слова.

– Всем выйти из автобуса! Проверка документов и багажа, – распорядился он, постукивая жезлом по ладони.

Галиакбар-хаджи перевел приказ полицейского. Паломники взволнованно заговорили между собой, но тем не менее послушно потянулись к выходу.

– Открой багажный отсек, – велел бородатый водителю.

Тот обернулся и сказал своему сменщику, который сидел сзади и был как минимум в два раза моложе:

– Открой, Мусса.

Сменщик легко подхватился и выскочил из автобуса.

– И ты выходи, – сказал напоследок полицейский водителю и покинул, наконец, автобус.

– Кто старший? – спросил полицейский, подойдя к возбужденным и взволнованным паломникам.

– Я старший, господин офицер, – ответил бородатому Галиакбар-хаджи.

– Соберите все паспорта.

Из джипа тем временем вылезли три вооруженных автоматами человека, но только один из них был в полицейской форме. Это насторожило руководителя казанцев, но он успокоил себя предположением, что сотрудники правоохранительных органов не всегда считают нужным облачаться в мундиры, и выполнил приказ, собрав документы у паломников.

Бородатый принял из рук Галиакбара-хаджи высокую стопку темно-синих паспортов и передал его одному из автоматчиков:

– Отнеси в джип. Пусть Хафез посмотрит.

Мусса открыл багажный отсек «Мерседеса».

– Показывайте по очереди – что у вас в сумках, – приказал бородатый, по-прежнему постукивая жезлом по ладони.

Первым поставил свою сумку у ног бородатого бывший студент Вагипова-старшего Рафаэль. Он с трудом нагнулся над сумкой – мешал объемный живот – желая расстегнуть замок, но полицейский жестом велел ему отойти, и сам, удивительно живо присев на корточки, потянул язычок молнии.

– Шайтан! – воскликнул он сразу же и, достав из сумки початую бутылку водки и порнографический журнал с распяленной обнаженной дивой на обложке, продемонстрировал автоматчикам. – Видели, как русские совершают хадж?!

– Собаки! – выругался один из автоматчиков, который был в гражданской одежде.

– Учитель, это не мое! – испуганно крикнул Рафаэль Галиакбару-хаджи, который с презрением посмотрел на него. – Это не мое, учитель! Это провокация. У меня не было этого и не могло быть! Клянусь Аллахом!

К уху Вагипова-старшего вдруг склонился седоусый водитель автобуса и сказал убежденно вполголоса:

– Это не полицейские.

Бородатый заметил это, и у него дернулась левая щека, на которой мгновенно налился кровью маленький, но глубокий шрам под глазом.

– Что ты сказал? – спросил он у водителя.

– Ты не полицейский! – ответил тот твердо.

Бородатый выхватил пистолет из расстегнутой белой кобуры на поясе и два раза выстрелил в водителя. Бородатый стрелял в упор и промахнуться не мог. Пожилой водитель рухнул на землю и стал корчиться, задыхаясь от крови, заполнявшей его простреленное легкое. Кровавая пена выступила на губах шофера, окрашивая «соль и перец» в красное.

Паломники в ужасе молчали.

– Все в автобус! – заорал бородатый, угрожающе размахивая пистолетом.

Вагипов-старший сказал паломникам, не теряя выдержки:

– Садимся в автобус и сохраняем спокойствие.

Когда все казанцы оказались в автобусе, за руль молча сел Мусса, подле него встал лицом к салону человек с автоматом. Прежде чем сесть, он распахнул полы пиджака, и паломники увидели, что он обвязан какими-то пакетами из непрозрачного пластика. Человек с автоматом на шее потыкал пальцем в пакеты, а затем резко вскинул руки вверх и выкрикнул:

– Бах!

Убедившись, что его пантомима возымела действие и в салоне установилась жуткая тишина, человек с автоматом с удовлетворенным видом уселся на переднее сиденье.

– Ничего не бойтесь! – твердо и громко произнес Галиакбара-хаджи. – Все в руках Всевышнего. Чтобы не случилось с нами, мы на пути к Дому Аллаха!

Автобус развернулся на пустынном шоссе и покатил вслед за черным джипом с надписью Police. Через четверть часа джип съехал с шоссе на заброшенную, едва различимую дорогу без покрытия и устремился на северо-восток. Автобус последовал за ним.

А над телом седоусого водителя стали кружить стервятники. Наконец самый наглый из них уселся на голову трупа и стал выклевывать глаза.

9

Рычание дизельных двигателей, лязг гусениц заполнили поле, изрытое воронками от взрывов снарядов и бомб. Многотонные танки Т-72, построенные еще в Советском Союзе и до сих пор продолжающие оставаться грозным оружием, безостановочно ползли вверх по косо-гору, время от времени изрыгая огонь из длинных стволов башенных орудий. Встречавшиеся на пути окопы пехоты танки разминали тяжелыми траками, крутясь на одном месте и превращая оборонительные сооружения в пологие песчаные ямы, и, покончив с окопами, неотвратно и грозно ползли дальше.

Из-за рева танковых моторов невозможно было услышать не свойственный вертолету шум, и уж никак нельзя было понять, что за странное, похожее на мираж видение возникло в небе. «Громобой», а это был он, включив визуальную защиту своего покрытия «Хамелеон» из множества небольших ретранслирующих элементов, что делало его практически невидимым, вынырнул из-за среза косогора. Человеческий глаз мог видеть только слабую, быстро перемещающуюся тень на земле от некоего невидимого объекта. Такая картина, наблюдаемая впервые, могла реально свести с ума любого, чья психика была не готова к подобной встрече.

Взрыв ракеты «воздух-земля», ударившей в землю непосредственно под скошенной лобовой частью корпуса танка, перевернул на бок зеленое чудовище, весившее почти полсотни тонн. Колеса танка, оказавшееся наверху, еще некоторое время вращались, сматывая с себя ленту разорванной гусеницы, а затем замерли навсегда.

– Молодец, Петруха! – похвалил Иванисов, перемещая ручку управления и набирая высоту.

– Люська – молодец! – отозвался старший лейтенант и тут же выдал координаты новой цели: – Командир, 11-89! КП противника!

– Понял, – отозвался Иванисов и вновь переместил ручку управления.

Через несколько секунд черный шлейф от двух неуправляемых авиационных ракет протянулся от вертолета прямо по его курсу к опушке березового леса. Ракетный залп расшвырял на десятки метров бревна, которые были уложены в несколько накатов на крыше блиндажа, замаскированного дерном.

– Отлично, Петруха! – вновь оценил командир качественную работу оператора, на что тот опять выкрикнул с некоторым остервенением:

– Люська – молодец!

Этот выкрик старшего лейтенанта Иванисов словно воспринял как команду к действию и заложил крутой вираж влево. На самом деле они оба одновременно с Романчуком увидели звено вертолетов, появившееся справа и сзади от «Громобоя».

Оператор нажал сразу несколько кнопок на пульте ведения огня, и «Громобой», казалось, словно кто-то очень сильный ухватил за хвост – это отдача на мгновение задержала движение винтокрылой машины вперед. В сторону вертолетов от «Громобоя» выплеснулись сразу три трассирующие линии очередей из двух крупнокалиберных пулеметов и одной автоматической пушки.

– Попал! – одобрил Иванисов, на что справедливый Петруха отозвался:

– Петруха – молодец!

– От скромности не умрешь! – оценил командир, двигая ручку пошагового управления энергично, но плавно. Послушный руке пилота «Громобой» быстро набирал высоту, так что спины вертолетчиков тяжело прижало к спинкам кресел. – Так и надо!

– Стараюсь, товарищ майор, – отозвался оператор, не отрывая глаз от монитора на приборной панели, и прокомментировал увиденное там: – Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел.

– Как говорит наш генерал, не говори гоп, пока не перескочишь!

– Слушаюсь, товарищ майор... – сразу же ответил Романчук, внутренне сразу же согласившись с замечанием Иванисова, осознав, что нарушил неписаное правило.

Вертолетчики, как, впрочем, и все авиаторы, верят приметам. В авиации, во всяком случае российской, нет бортов с номером тринадцать, за двенадцатым сразу идет четырнадцатый. Никто из летчиков никогда не поднимается в воздух с отпускным билетом в кармане – можно и в отпуск не сходить. Так что и трепать языком до окончания полета – последнее дело. Впрочем, на этот раз все обошлось.

Спустя полтора часа, вернувшись на аэродром «Геликоптера», майор Иванисов и старший лейтенант Романчук стояли на бетонной полосе неподалеку от «Громобоя», опустившего лопасти винтов, по стойке смирно.

Генерал-лейтенант Острохижа произнес командным голосом, переводя взгляд с майора на старшего лейтенанта:

– Поздравляю с успешным выполнением учебно-боевой задачи!

– Служим России! – в один голос отозвались вертолетчики.

– Ну, какие впечатления от действий в реальной обстановке? – перешел на доверительный тон генерал.

– Отличная машина! – первым ответил командир экипажа. – Никаких претензий, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

– Не сглазишь. Машина и впрямь хорошая. Можно сказать, вертолет послезавтрашнего дня. Но пока в серию не запустили, надо хорошенько обкатать, чтобы потом нас никто и ни в чем не упрекал.

– Обкатаем! – заверил генерала Иванисов.

– А что скажет оператор?

– Нет слов, товарищ генерал-лейтенант! Одни выражения. Восторженные!

– Шутник, однако. Как взаимодействие с ПАНом? Или в данном случае, наверное, с ПАНною? – чуть улыбнулся генерал Острохижа.

Сленг авиаторов изобилует аббревиатурами. Сокращение ПАН расшифровывается как передовой авианаводчик. Находясь на земле, он корректирует направления ударов с воздуха, дает координаты цели, тесно взаимодействуя с экипажами боевых машин. Это очень опасная военная профессия, ведь авианаводчик должен быть в самой гуще боя, на переднем крае, а иногда и впереди него. ПАНы во время военных действий работают в режиме строгой секретности, противник ведет на них настоящую охоту – это показали и Афганистан, и Чечня. И это, пожалуй, самая высокая оценка важности их дела.

– Большая половина пораженных целей – ее заслуга, товарищ генерал, – ответил Петруха.

– Так уж и большая половина? – еще шире улыбнулся Острохижа.

– Ну уж никак не меньшая!

– Что ж, это радует. Значит, без ПАНа и на «Громобое» ни туда и ни сюда?

– Не совсем так, товарищ генерал-лейтенант. Отличные возможности для визуальной работы и с помощью компьютерной системы навигации и бортового вычислительного комплекса. Но:

– Что но? Доверяй, но проверяй?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Золотые слова!

– Далеко пойдет! – рассмеялся Острохижа, обращаясь к Иванисову.

Тот ухмыльнулся:

– Глубже, еще глубже лизни!

Командир экипажа «Громобоя» давно знал генерала и потому мог себе позволить иногда небольшие вольности.

Петруха растерялся и покраснел.

– Не смущайся, – утешил его генерал. – Я вижу, ты парень искренний, сказал что думал, а не для того, чтобы понравиться.

Романчук уныло кивнул.

– В самом деле, мы уже убедились, что полностью доверять компьютерной технике никак нельзя. Последнее слово всегда будет за человеком, – веско сказал генерал. – Некоторые теоретики из паркетных генералов, правда, утверждают, что при нынешнем развитии военных технологий надобности в наводчиках уже нет. Мол, высокоточное оружие само находит цель. Это чушь. Вон в Югославии тогдашняя народная армия использовала американскую систему навигации GPS. И что? Американцы ввели погрешности в параметры этой системы, и она выдала искаженные данные. И югославская противовоздушная оборона не сумела качественно противостоять налетам натовской авиации. Результат известен.

– Компас, он надежней, – вновь не удержался от комментария Петруха, слегка оправившийся от смущения. – Компьютер выдал координаты цели, а мы перепроверяем. Так надежней.

– Верно! Чем проще, тем надежней, – согласился генерал и обернулся на приближавшийся со спины рокот двигателя военно-транспортного вертолета МИ-8, заходившего на посадку.

Вертолет выпустил шасси и приземлился, подпрыгнув один раз, на бетонные плиты аэродрома. Бортовой техник открыл изнутри дверцу сразу за пилотской кабиной и выкинул короткий трап, состоящий из трех ступенек. По ступенькам живо спустилась Людмила в камуфляжной униформе и, по-женски разбрасывая ноги ниже колен, подбежала к генералу.

– Разрешите доложить, товарищ генерал-лейтенант?

– Докладывайте, товарищ вольнонаемная Ковалева.

– Так что все сделала, как говорили, – улыбаясь во весь рот, сообщила Людмила.

– Доклад не по форме, а по существу, – констатировал генерал, без усмешки глядя на исцарапанное, но счастливое лицо дочери. – Где камуфляж порвала?

– Порвала? – удивилась Людмила и стала осматривать себя. Она мгновенно превратилась из солдата в красивую женщину, озабоченную тем, как она выглядит. – Где?

– Где-где! На животе.

– Ой! И правда! А я и не заметила. Так здорово было.

– Ну-ну, – недовольно хмыкнул генерал. – Ладно, ребята. Отдыхайте, заслужили. Но отдых, обращаю конкретно ваше внимание, Романчук, без всякого «шила». А не то я вам шило в одно место вставлю. Понятно?

– Так точно! – рявкнул Петруха.

– Фи! – сморщила губки Людмила.

К «Громобою» подъехал армейский открытый «УАЗ», рядом с водителем которого сидел главный конструктор. Вагипов буквально вывалился из автомобиля и, словно сомнамбула, не обращая внимания окружающих, подошел к генералу и сказал ему, забыв поздороваться:

– Вася! У меня проблемы. Отец пропал!

У главного конструктора было совершенно потерянное лицо.

10

Историки спорят о возрасте Дамаска, кто-то дает ему шесть тысяч лет, а кто-то и все восемь. Однако несомненно одно: из всех здравствующих столиц мира сирийская наиболее древняя. Город обнимает гора Касьюн, на которой, как безапелляционно утверждают знатоки, Каин убил Авеля. Видевшая это первое в истории человечества кровавое преступление пещера вскрикнула от ужаса, и с той поры вход в нее напоминает разверстый в немом крике рот.

Центральная часть Дамаска – Старый город – строгой прямоугольной планировкой похож на военный лагерь – именно так его застраивали древние римляне, покорившие Сирию в 64 году до нашей эры. Старый город окружен каменной стеной, в которой насчитывается восемь ворот.

Через одни из этих ворот почти две тысячи лет назад въехал на лошади знатный иудей, имевший звание римского гражданина, некий Савл из Тарса. Он был известен как ревностный гонитель христиан. Лошадь Савла споткнулась и сбросила всадника, а тот, ударившись о землю, ослеп. Несчастного привезли в дом на улице, которая называлась Виа Ректа – Прямая.

Здесь его вылечил, крестил и благословил на миссионерскую деятельность один из семидесяти учеников самого Христа Анания. Так Савл из Тарса стал апостолом Павлом.

Сегодня Прямая улица, которая по-прежнему пересекает старый Дамаск с востока на запад, и на самом деле не очень пряма, называется уже по-другому – Мидхат Паша.

По этой улице неторопливо шел загорелый голубоглазый человек с копной рассыпчатых белых, а может, седых волос на голове. В руке у него был черный атташе-кейс. Этот человек, резидент Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки Ричард Бэрроуфильд, не торопился, может быть, потому, что в сирийской столице не принято торопиться, а может быть, потому, что его неспешная прогулка могла привести к цели быстрее, чем поездка на автомобиле.

В этот час старый Дамаск был забит автомобилями, которые медленно передвигались, сохраняя дистанцию между собой в считанные сантиметры. Водители от безделья развлекали себя тем, что не снимали руки с клаксона, но непрерывный гул никак не способствовал ускорению движения плотного автомобильного потока.

«Забавно, – подумал Бэрроуфильд, утомленный бесплодными, но настойчивыми гудками – возникает ощущение, что в такую приятную погоду все машины заболели каким-то автомобильным гриппом».

Действительно, почти все сигналы гундосили и хрипели, словно машины были простужены. Впрочем, это не мудрено, ведь старые машины, как и люди, чаще болеют, а новый автомобиль до сих пор могут позволить себе немногие сирийцы. Несмотря на то что в стране нет собственного автомобилестроения, правительство сохраняет высокие пошлины на ввоз иномарок.

«Идиотское следствие попытки построить социализм с сирийским лицом», – ухмыльнулся сам себе человек с чемоданчиком.

Бывшая Прямая улица, ныне Мидхат Паша, по которой неторопливо шел резидент ЦРУ, была главной артерией знаменитого дамасского базара Хамидие. Не меньше тысячи лет он является самым большим в исламском мире и не отдает никому пальму первенства.

Входом в многолюдный базар – город в городе – служит арка с колоннами, возведенная еще римлянами. Каждый день, кроме священной для мусульман пятницы, с девяти утра до девяти вечера за аркой в лабиринтах многокилометрового крытого тоннеля, разделенного на особые кварталы – суки – правит бал ее величество торговля, самая разнообразная и всевозможная.

Более трех тысяч лавочек, сотни мастерских, бани и парикмахерские, мечети и харчевни, нескончаемый гул возгласов продавцов и покупателей и воздух, пропитанный ароматом кофе и дымками кальянов, которые сирийцы называют наргиле.

Здесь можно купить и продать все, что угодно. На прилавках лежат товары со всех концов земли, от антикварного кинжала из знаменитой дамасской стали до самой современной видеоаппаратуры, но, конечно, особый колорит Хамидие придают многочисленные изделия местных мастеров-ремесленников. Глаза разбегаются от обилия цветастых тканей, платков и ковров. На базаре есть целые улицы жестянщиков, столяров, ткачей и, конечно же, улицы специй и знаменитых восточных сладостей, среди которых наиболее популярен фисташковый пломбир.

От жаркого солнца и нечастого дождя торговцев и покупателей базара Хамидие защищает сводчатая крыша со множеством окон. Когда-то давно она была деревянной, но, в конце концов, после многочисленных пожаров ее заменили на железную. Местами металл прохудился, светился дырами. Но местные старожилы связывают появление этих отверстий в кровле вовсе не с ржавчиной, а со следами от пуль.

Говорили, что в начале прошлого века, еще до Первой мировой войны, французские солдаты, занявшие Дамаск, желая сразу показать, кто в городе хозяин, стреляли из своих ружей вверх в местах скопления людей, в том числе и на базаре Хамидие. И говорят, французам удалось тогда парализовать работу рынка на целых три часа, но не более. И будто бы в память о тех часах крышу с той поры не ремонтируют.

Бэрроуфильд усмехнулся собственным мыслям и свернул с Прямой улицы – Мидхат Паша – на одну из боковых. Пройдя буквально десять шагов, он оказался у входа в кофейню «Бушра», что означало в переводе с арабского – «Добрая примета». Это был своеобразный мужской клуб, место отдохновения и неспешных разговоров о событиях местной жизни и, конечно, о проблемах мировой политики, которым завсегдагаи кофейни после некоторых, порой горячих прений обычно находили элегантное и единственно верное решение.

За одним из столиков в дальнем углу заведения уже с полчаса сидел Джаид в своей обычной «арафатовке». Он уже съел порцию шаурмы – плотно завернутой в трубочки тонкого лаваша рубленой баранины с салатом и специями, выпил две чашки крепчайшего черного кофе, который по здешней традиции употребляется всегда без сахара, и сейчас курил наргиле, потягивая прохладный вкусный дым, имевший ярко выраженный и очень приятный запах спелого персика.

Горячие угольки, тлевшие на подмошке от густого сахарного сиропа табаке особого персидского сорта «тумбеки», периодически усиливали свою алую окраску, повинуюсь затяжкам курильщика. Дым, проходя через стеклянную колбу с водой, остывал, и можно было в полной мере ощутить его чудесный фруктовый вкус. Колба наргиле, которым пользовался Джаид, была сделана из божьего стекла, а когда-то место колбы занимал выдолбленный кокосовый орех – который в Персии назывался наргил. Он-то и дал название курительному прибору.

Джаид не спешил. На Востоке умеют ценить простые человеческие радости, дарованные Всевышним. Палестинец, у которого чуть кружилась голова, сонно наблюдал сквозь припущенные веки за расторопным малым, готовившим напиток из тутовых ягод, лежавших горой на большом блюде. Парень в белом фартуке, местами заляпанном, лихо строгал теркой кусок льда, бросал натертый лед в стакан, зачерпывал поварешкой сок, стекавший с блюда в таз, доливал в стакан и втыкал в него соломинку.

Несмотря на дремотное оцепенение, в котором пребывал Джаид, он сразу заметил вошедшего в кофейню американца. Тот тоже увидел Джаида, и оба обменялись многозначительными взглядами. Однако Бэрроуфильд не подошел к старому знакомому, а приблизился к небольшой камере хранения, устроенной в этом заведении для пушего спокойствия иностранцев. В Дамаске практически нет воровства, но не все об этом знают. Американец поставил свой атташе-кейс в ячейку и запер ее на ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.